

ДОСТОЕВСКИЙ, КАНТ И КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ДОМА»*

Весьма знаменательно (и в какой-то мере символично), что наш круглый стол проходит в городе Канта. И Кант, и Достоевский принадлежат в равной мере культуре своего народа и всей общеевропейской культуре. В известном смысле мы вправе сказать, что творчество этих двух людей, один из которых принадлежал к числу величайших умов XVIII, а другой — величайших художников и мыслителей XIX века, для нас сегодня — символ того нового Общеевропейского дома, к созданию которого мы подошли накануне XXI века.

Автор замечательных статей «Идея всеобщей истории» (1784), «О вечном мире» (1795), «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» (1784) Кант рассматривал человеческий род, всю его историю как *единое великое целое*. Кант был учеником не только Лейбница и Вольфа. Он испытал сильнейшее влияние английских и французских просветителей, в особенности Юма и Руссо. Как видно из его «Антропологии», Кант интересовался Россией, хотя не обладал о ней достаточными сведениями, Достоевский же прямо заявил, что у русского человека «две родины — Русь и Европа».¹ И хотя историки общественной мысли нередко причисляют его к поздним славянофилам, на деле Достоевский скорее упорно стремился всю жизнь *снять* самую проблему противопоставления западничества и славянофильства. Он был глубоко чужд идеализации допетровской Руси, высмеивал еще в 1861 г. «узкий идеальчик» московских

* Выступление за круглым столом во время юбилейных торжеств памяти Канта и Достоевского в Калининграде в 1992 году.

славянофилов не менее резко, чем позднее, в письмах 70-х годов и в романе «Бесы» либеральное западничество.² Так же, как соборами Кремля Достоевский восхищался миланским и кельнским соборами, палаццо Питти и Дрезденской галереей, «Илиадой» Гомера, Шекспиром, Корнелем и Расином, Данте, Гете и Шиллером, Бальзаком, Гюго и Жорж Санд, Диккенсом, Рафаэлем, Тицианом и Клодом Лорреном. Глубокий исследователь истории и современной жизни России и русского народа, он интересовался жизнью всего «арийского племени» и — более того — народов не только Европы, но и Азии. В известном смысле можно сказать, что и Кант, и Достоевский были всемирно-историческими личностями, которые синтезировали в себе достижения культуры XVIII и XIX веков всех народов Европы. И не случайно наследие их получило общеевропейское и общемировое признание. Кант непосредственно и через посредство Шиллера оказал весьма серьезное воздействие на Толстого и Достоевского, а Толстой, Достоевский и Чехов — на всю мировую литературу, культуру и философскую мысль нашего века.

Достоевский страстно любил Россию, русскую культуру и русский народ: он был горячо уверен в их великом будущем. Но следует помнить, что назначение русского народа и русской культуры Достоевский видел, прежде всего, в их способности помочь взаимопониманию и синтезу национального достояния всех европейских народов, культур и литератур. В «Зимних заметках и летних впечатлениях», романе «Игрок» и «Дневнике писателя» Достоевский критиковал викторианскую Англию, режим Наполеона III, политику Бисмарка и Мак-Магона. Но, рисуя вслед за Диккенсом мрачные социальные контрасты тогдашнего Лондона или вслед за Гюго, Бальзаком и Жорж Санд критически характеризуя самодовольство и ограниченность французского буржуа эпохи Наполеона III, как и прусский милитаризм, Достоевский и в своих романах, и «Дневнике писателя» был беспощаден также и к русскому обществу своего времени. Мало кто в русской литературе изобразил с такой потрясающей силой моральный упадок, цинизм и разложение русского помещичьего дворянства, нарисовал столь мрачные картины императорского Петербурга и катастрофического состояния крестьянства в русской пореформенной деревне, как автор «Униженных и оскорбленных» и «Братьев Карамазовых». И силу для этого ему дали именно его горячая вера в русский народ и в грядущую «мировую гармонию», где голоса всех европейс-

ких народов сольются в свободный, единый и дружный хор, а наша планета превратится в цветущий Сад!

Это не означает, что Достоевский, как всякий человек, не был свободен от религиозных, национальных и социальных пристрастий и предубеждений. Было бы ошибочным осовременивать и идеализировать все стороны его взглядов. Мы должны, наряду с его пророчествами, трезво видеть также и ряд противоречий его идей. Достоевский — при всей его гениальности — был человеком своего времени. И это не могло не наложить отпечатка на его мировоззрение. Подобно Герцену и русским народникам, он был склонен переоценивать значение поземельной крестьянской общины и видеть в ней зерно будущего землеустройства страны. Критикуя разрушительность отвлеченно рационалистического мышления и собственнического начала, он недооценивал значение права частной собственности как неотъемлемого права человека. Великий писатель отдавал себе отчет в том, что русская церковь в его время находилась «как бы в параличе» (по собственным его словам),³ хотя и был глубоко и искренне привержен убеждению, что православие в народном его выражении ближе к христианскому идеалу, чем католичество, протестантизм или любое другое вероисповедание. Кстати, весьма возможно, что западно-русское происхождение предков Достоевского объясняют нередко прорывавшуюся в его публицистике предубежденность против поляков, евреев, волжских татар. Но тем знаменательнее, что эта предубежденность не помешала ему с горячей любовью изобразить в «Записках из Мертвого дома» дагестанца Алея, с симпатией относиться к раскольникам, старообрядцам, «бегунам» и другим представителям осужденных в его время официальной русской церковью форм религиозных народных верований, с большим уважением нарисовать в тех же «Записках из Мертвого дома» образы польских дворян-революционеров и богомольного еврея Исая Бумштейна, а в «Преступлении и наказании» и «Дневнике писателя» отдать должное великодушию доктора Федора Петровича Гааза, самоотверженного и бескорыстного минского врача-немца доктора Гинденбурга, в котором писатель увидел прообраз современного «всечеловека», готового прийти на помощь всякому другому страждущему и нуждающемуся в помощи и в утешении, к какой бы религии и национальности тот не принадлежал. Все это — свидетельства, которые говорят нам, что общечеловеческие христианские начала гуманизма великого

русского писателя были сильнее, чем свойственные ему национальные или социальные предрассудки и что в решающие минуты жизни именно они неизменно брали верх над подобными предрассудками. Хочется напомнить в этой связи и о том большом внимании и участии, которые Достоевский проявил по отношению к Софье Ефимовне Лурье и Аркадию Георгиевичу Ковнеру, о чем свидетельствуют их отношения и переписка.⁴

Н. А. Бердяев завещал нам термин «русская идея». Однако, если принять его без конкретно-исторической интерпретации, то мы могли бы в наши дни с таким же правом говорить об «английской», «французской», «американской» и множестве других национальных «идей». Русская культура развивалась в течение тысячелетий. И она породила в своем развитии не одну, но *целый мир идей*, которые трудно свести к одному знаменателю. Именно подобное идейное богатство определяет всеевропейское и мировое значение любой, в том числе русской культуры (да и культуры любого цивилизованного народа). Нередко Достоевского критика причисляла и причисляет к последователям представления о «Москве как „третьем Риме“». Но отождествление идей Достоевского с идеями старца Филофея, жившего в другую эпоху, думается вряд ли имеет серьезное основание. Я полагаю также, что вопреки весьма распространенному убеждению, Достоевский был чужд имперского мышления. Мне могут возразить, что в годы русско-турецкой войны Достоевский, поддерживая борьбу славянских народов против Османской империи, страстно утверждал, что «Константинополь должен быть наш»⁵, а позднее писал о миссии России в Азии. Но всякий читатель, который захочет внимательно отнестись к соответствующим страницам «Дневника писателя», легко убедится, что Достоевский, когда писал о Константинополе, имел в виду не расширение границ Российской империи, но призывал к освобождению от материального и религиозного угнетения поработанных в то время Османской империей православных народов Европы. Он мечтал о том, что русские добровольцы, русское войско, государство помогут освобождению западного и южного славянства и греков, закрепив их свободу созданием православной конфедерации со столицей в Константинополе. Таким образом (на что, кстати, верно указывал Бердяев), Достоевский защищал прежде всего *общеславянскую* и православную идею. История решила судьбы Восточной Европы и славянский вопрос иначе, чем мечтал в

70-х годах прошлого века Достоевский. И сегодня мы видим, что в строительстве «Общеввропейского дома» принимают на равных правах — наряду с народами Запада — Россия, Украина, Беларусь, Чехия, Словакия, Польша, Словения, Хорватия, Болгария и другие свободные и суверенные государства, равно как и другие страны и народы Восточной Европы. И я думаю, что подобный поворот событий всем — и им и нам — на пользу. Важно только, чтобы национальные и геополитические конфликты в Европе, да и везде, где возникают «горячие точки», решались мирными средствами, без войн и вооруженных столкновений, на основе уважения к правам каждой национальности и культуры, каждой религии и любого отдельного человека. И возвращаясь к вопросу о чертах внутреннего родства между Кантом и Достоевским, мне хочется напомнить, что оба они считали жизнь человека высшей ценностью, настаивая на том, чтобы человек рассматривался не как некая мертвая «вещь», а как живое, неповторимое существо. И точно также оба они полагали, что всемирная история представляет собой процесс бесконечного движения, в процессе которого человек будет постоянно обогащаться и совершенствоваться, но никогда не достигнет «конца истории». Образ Христа как совершенной, гармонической личности (в представлении Достоевского), идея «категорического императива» (в этическом учении Канта) составляют те нравственные ориентиры, которыми должен руководствоваться человек в своих мыслях и поступках. Но и образ Христа для Достоевского, и идея «категорического императива» для Канта составляют именно *нравственный ориентир, компас, указанию которого нам надлежит следовать*. История же для них остается историей, а человек — человеком. А потому его бытие никогда не будет избавлено от реальных трудностей, порою же и тех случаев «антагонизма сил» (пользуясь выражением Канта), без которых невозможно движение общества вперед. Все это мы должны учитывать при строительстве нашего международного сообщества и того сообщества, идея которого горячо воодушевляет и объединяет нас в эти минуты. Все мы понимаем, что создание этого сообщества потребует от народов Европы и всего мира большой, энергичной общей практической работы, цель которой, в первую очередь, объединить наши экономические, политические и культурные усилия с целью превращения Земли в единое экономическое и культурное пространство, где бы каждый народ и каждая этническая группа

сохраняли свое особое, лишь ему одному присущее, лицо, свою свободу, свои сложившиеся веками обычаи и культурные традиции и в то же время, чтобы они творчески и свободно могли вносить свой вклад в общее дело свободы и процветания всех народов, больших и малых. Я уверен, лишь подобный идеал будет вполне отвечать заветам как Канта, так и Достоевского и что, если мы сумеем достойно его осуществить на деле, это послужит интересам не только каждого из народов наших стран, но и интересам всего мира — Восточной (в том числе России) и Западной Европы, а также других континентов.

¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 томах. Т. 23. С. 30. Ср.: там же. Т. 19. С. 60—62.

² Там же. Т. 19. С. 59, 63—66.

³ Там же. Т. 27. С. 65.

⁴ См.: *Гроссман Л. П.* Исповедь одного еврея. М.; Л., 1924; *Достоевский Ф. М.* Т. 30, см. по указателю.

⁵ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 44, 50; Т. 25. С. 69—74; Т. 27. С. 32—40, 61, 68, 70, 75, 83—87.